

вали столь быстро, что образовали четко выраженные подвиды, некоторые из которых (например, канадские бобры) стали достаточно обособленными, чтобы считаться отдельными видами¹.

Говоря о таких эпохальных процессах, как брахикефализация, грацилизация, акселерация, влияние урбанизации, В. П. Алексеев делает вывод, что и здесь ускоряется процесс расообразования. Но ведь это процессы глобального значения, не связанные с расой, территорией и т. д. Они только подтверждают единство человечества и наличие в его эволюции общих тенденций, направленных на интеграцию.

Искусственная среда, во многом заменившая для человека естественную среду, становится все более однородной, унифицируется, создавая все новые моменты, сдерживающие дифференциацию, способствуя биологической интеграции. Действие социальных факторов в процессе биологической дифференциации, разумеется, не однозначный, порой разнонаправленный процесс. Социальные факторы образуют сложное диалектическое единство противоположностей, борьба между которыми закономерно разрешается в пользу факторов, тормозящих расообразование. С моей точки зрения, именно в этом состоит основной закон влияния социальной среды как целого на ход биологической дивергенции у человека. Именно в этом основное расхождение моей позиции в данном вопросе с позицией В. П. Алексеева, который в итоге видит преобладание группы социальных факторов, стимулирующих расообразование, в то время как, по-моему, определяющая роль принадлежит здесь факторам-депрессорам расообразования. Следовательно, наши точки зрения по самым основным положениям поставленной проблемы диаметрально противоположны.

А. А. Зубов

¹ Э. М а й р, Популяции, виды и эволюция, М., 1974.

ДИНАМИКА ПОПУЛЯЦИЙ: ДИВЕРГЕНЦИЯ ИЛИ КОНВЕРГЕНЦИЯ!

Фундаментальная проблема соотношения социального и биологического разработана в нашей науке неравномерно. Так, в частности, социальным факторам антропогенеза уделено несравненно больше внимания, чем социальным аспектам расообразования. По существу этих последних сюжетов избегали касаться с 1930-х годов вплоть до сравнительно недавнего обсуждения вопроса о соотношении этноса и популяции. Статья В. П. Алексеева — следующий шаг на этом пути, и уже по одному тому следует приветствовать ее появление в печати.

Автор, на наш взгляд, правильно отмечает, что, поскольку расогенез в основном относится к эпохе существования человека современного вида, т. е. к тому времени, когда биологические закономерности выступают уже в снятом виде, законы расообразования, биологические по своему существу, действуют только через и при посредстве социальных закономерностей. Казалось бы, отсюда даже априорно можно заключить, что, коль скоро результатом процесса явилась расовая неоднородность, социальные факторы действовали именно в этом направлении. И автор с уверенностью приходит к этому заключению: «при рассмотрении вопроса в целом можно утверждать, что фильтр социальных факторов, через ко-

торый пропускаются биологические закономерности расообразования, всегда способствовал биологической дифференциации человечества, ускорял, а не замедлял его» (стр. 119. Разрядка наша.— А. П.).

Думается все же, что этот фильтр не так однонаправлен. В социальных факторах расогенеза заложены диалектически противоречивые тенденции, ведущие как к дивергенции, так и к конвергенции биологических общностей. Рассмотрим под этим углом зрения отдельные выделенные В. П. Алексеевым элементы «социального фильтра», причем, учитывая его правильное замечание об относительной кратковременности действия социальных факторов, мы также в ряде случаев будем исходить из их потенциальных возможностей.

• Первый из этих элементов — неравномерность в социально-экономическом развитии человечества. Она, несомненно, затрудняла непосредственную метисацию, но она же облегчала завоевания, а последние нередко влекли за собой ассимиляционные и метисационные процессы. Уже в первобытную эпоху существовала практика, по которой уцелевшие члены побежденных племен, причем зачастую не только женщины и дети, но и мужчины, адаптировались племенами победителей. С развитием в эпоху распада первобытного общества патриархального рабства пленные рабы становились членами семей и сплошь да рядом, как, например, у всех земледельческих племен Северной Америки, вступали в брак со свободными. В древнем мире ввезенные из завоеванных областей рабыни делались наложницами рабовладельцев, а их дети и вольноотпущенники нередко смешивались с низшими слоями свободного населения. В средние века завоевания, обычно через посредство даннических отношений, были одним из источников феодализации, а следовательно, и таких специфических институтов эпохи, как право первой ночи и гаремы феодалов. А с Нового времени в действие начала вступать другая закономерность: неравномерность в социально-экономическом развитии человечества стала уменьшаться в результате многообразного воздействия капиталистических обществ на все виды обществ докапиталистических. Хорошо известно замечание Маркса о двойкой — и консервирующей и стимулирующей — роли британского владычества в Индии. Автор прав, говоря о сосуществовании даже в наше время «высокоразвитых экономически и культурно народов с народами, остающимися на сравнительно низких ступенях общественного развития даже в пределах одного государства» (стр. 122), но вряд ли можно видеть в этом апогей исторической неравномерности. Ведь существует не только качественная, но и количественная сторона вопроса: «первобытные» племена Австралии, Новой Гвинеи, Амазонии и т. п. неизмеримо малочисленнее, чем народы развитых и быстро идущих по пути прогресса новоразвивающихся стран.

Второй элемент — расселение, любая форма которого, по мнению автора, в конечном итоге вызывает дифференциацию популяций. Этот фактор существует, но относителен: как бы ни велика была «изоляция расстоянием», отдаленные популяции связаны между собой популяциями промежуточными. И как бы то ни было, в диакронии этот фактор не стабилен: достигнув (по-видимому, где-то в мезолите) своего апогея, он в дальнейшем постепенно стал терять значение с увеличением плотности населения, а с Нового времени — с развитием современных транспортных средств, урбанизацией и т. д.

Третий элемент — брачная структура. Родовая экзогамия и племенная эндогамия первобытнообщинного строя, бесспорно, сыграли свою роль в дивергенции человеческих популяций. Но в классовом обществе лишь очень немногие народы пережиточно удержали локальную или патронимическую (основанную на ортокузенных браках) эндогамию. Подавляющее большинство населения земного шара перешло к поколенной экзогамии, и, следовательно, форма брака в основном утратила свое изолирующее значение.

Следующий элемент — социальная стратификация — обнаруживается в основном в классовом обществе и сказывается в сословно-классовом характере браков. Автор отмечает, но, на наш взгляд, все же недооценивает проницаемость социальных перегородок. Это, видимо, связано с тем, что он склонен уделять преимущественное внимание лишь «законным бракам», оставляя в стороне такие уже упомянутые институты, как античный и восточный конкубинат, феодальное право первой ночи и т. п., которые также были социальными, а не биологическими явлениями. Между тем известно, что, например, во многих обществах западного и восточного средневековья дети от сословно-неравных браков и просто незаконные дети составляли целые общественные прослойки. И здесь опять-таки нельзя упускать из вида историческую перспективу: с наступлением эпохи капитализма упали сословные барьеры, а с победой социализма для значительной части человечества прекратили существование и классовые перегородки.

Роль этнического (а тем самым языкового и культурного) фактора в дивергенции популяций представляется нам несомненной, но вряд ли можно согласиться с тем, что с течением времени его дифференцирующая роль «постоянно повышалась» (стр. 124). Скорее наоборот. Первоначальный этнос — эндогамное племя — был популяцией в большей степени, чем все последующие формы этнических общностей, которые достигали этого тем менее, чем крупнее они становились. Но еще важнее другое. Если до какого-то исторического рубежа (вероятно, наступления века металлов) количество отдельных этносов увеличивалось, то затем оно стало убывать за счет стягивания мелких этносов — племен и соплеменностей в более крупные народности, а впоследствии — нации. Если же признавать значимость в рассматриваемом вопросе этнического фактора, то неизбежен вывод, что конвергенция этносов вела к конвергенции популяций.

Вряд ли следует особо останавливаться на политических границах. Рубежи между государствами, так же как и религиозные рубежи, участвовали в расообразовании лишь постольку, поскольку они играли ту или иную роль в складывании этносов. Кроме того, как правильно отмечает сам автор, политические границы стали относительно малопроницаемыми лишь за последние несколько десятилетий.

Последний из рассматриваемых нами факторов — психологические стереотипы расового предпочтения. Речь, видимо, может идти только о больших расах и преимущественно применительно к эпохе капитализма. Однако именно эпоха капитализма дает наиболее яркие примеры интенсивного смешения больших рас — во многих странах Латинской Америки, на Гавайских островах и даже в такой цитадели расизма, как южные штаты США. Дело не меняется от того, что это смешение в одних случаях обязано своим происхождением законным, а в других — незаконным отношениям, хотя применительно к тем и другим психологические стереотипы пока еще неодинаковы.

Мы попытались показать, что заложенные в социальных факторах расообразования противоречивые тенденции различно реализуются как в синхронии, так и особенно в диахронии. Многие из них первоначально способствуют биологической дифференциации человечества, но затем едва ли не все начинают действовать в противоположном направлении его гомогенизации, причем эта последняя отнюдь не ограничивается одной только локальной панмиксией. И поэтому не такими уж сомнительными представляются идеи о человечестве в целом как о популяции и о панойкуменной панмиксии в обществе будущего.

А. И. Першиц

GENETIC VARIABILITY OF HUMAN POPULATIONS AND THE CHARACTER OF THEIR BIOLOGICAL DIVERGENCE

Social factors, in causing in a number of cases the emergence of genetic (Mendelian) human populations, thus conduce to inter-populational genetic variability; it is this that is actually biological divergence in the broad sense of the term. Inter-populational differences in the concentration of individual allelic genes cannot cause morpho-physiological divergence (race formation) in present-day humanity, since they are an expression of gene variability having no morphological racial trend, while the social evolution of mankind has considerably weakened the form-shaping action of natural selection. Processes of isolation cannot exert an independent race-forming influence. Genetic intra- and inter-populational variability is of great importance for the existence of mankind, since it ensures an immunity capacity and genetic plasticity necessary for the biological survival of the species and of its individual populations.

A. A. Voronov

INTEGRATION AS THE GENERAL TREND IN THE EVOLUTION OF MODERN MANKIND

In the course of the evolution of human society certain factors arise that conduce to the isolation of individual groups (ethnic barriers, class stratification, etc.). It may consequently appear at first glance that social factors are apt to promote the biological divergence of human populations. However, other and more potent factors, and primarily that of the development of productive forces and the sequence of social-economic formations, act in the direction of the integration of mankind; these always, in accordance with a natural tendency, suppress and negate the disintegrating influence of the feeble short-term factors conducing to divergence. Hence race formation is at present impossible and mankind as a whole shows a pronounced tendency towards integration.

A. A. Zubov

TRENDS IN THE EVOLUTION OF HUMAN POPULATIONS: DIVERGENCE OR CONVERGENCE!

The social aspects of population trends have been insufficiently studied; it is a merit of Alexeyev's paper that it draws attention to them. However, the interpretation of social factors as a one-direction filter leading only to racial divergence is hardly correct. As a matter of fact, innate in these factors from the very beginning are mutually opposite tendencies that are realized in different ways, both in synchrony and especially in diachrony. Many of these factors initially furthered the biological divergence of mankind but later began to operate in the opposite direction, i. e. that of its homogenization. A sceptical attitude towards the concept of mankind as a single population and of a paneucumenical panmixy in future society is thus hardly justified.

A. I. Pershits
